

ФРАНЦУЗСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. О КРЕСТЬЯНСКОМ СОПРОТИВЛЕНИИ РЕВОЛЮЦИИ

Р. Дююю

К началу 1960-х годов в революционной вульгате, выстроенной вокруг работы Жоржа Левефра «Французская революция»¹, уделялось не слишком много внимания крестьянскому сопротивлению революционным властям. Восстания на Западе страны – Вандея, шуанерия – рассматривались как разновидность контрреволюционных выступлений: дескать, крестьяне, обманутые и возглавленные духовенством и дворянством, сражались за дело, которое, в действительности, было им чуждо. Они стали тем «пушечным мясом», в котором нуждались аристократы для организации гражданской войны, и таким образом противопоставили себя патриотическому сплочению нации, вызванному иностранным вторжением. Рассказ об этих восстаниях был частью общего повествования о кризисе лета 1793 г. Их рассматривали в одном ряду с военными действиями, которые стали результатом намерения Комитета общественного спасения положить конец «федералистскому» движению в больших городах (Лионе, Марселе, Руане, Нанте и др.), поднявших оружие в защиту жирондистов и против радикализма монтаньяров, стимулируемого Коммуной Парижа и настроениями большинства санкюлотов столицы.

В своей обобщающей работе «Контрреволюция» (1961)², написанной ясным языком и свидетельствующей о большой эрудиции автора, Жак Годшо осветил эту проблематику, опираясь на новейшие данные историографии о роялистских агентах, которые с самого начала эмиграции пытались структурировать пророялистские элементы, чем в немалой степени способствовали укоренению страхов перед «аристократическим заговором». Содержание книги распадается на две части: «Доктрина» и собственно «Действие». Уже на первых страницах введения автор предусмотрительно оговаривает, что, несмотря на все организационные усилия отдельных лиц, как на Юге, так и на Западе Франции, несмотря на череду манифестов претендента или тех, кто говорил от его имени, это действие никогда подчинялось какому-либо

Роже Дююю, университет Ренн-II.

¹ Работа Ж. Левефра (1874–1959) с конца 30-х годов неоднократно переиздавалась целиком и по частям, в последний к сегодняшнему дню раз – накануне 200-летия Французской революции: *Lefebvre G. La Révolution française. 7e éd. P., 1989. – Прим. ред.*

² *Godechot J. La Contre-révolution, doctrine et action, 1789–1804 P., 1961. – Прим. ред.*

четко установленному плану или общей, сколько-нибудь эффективно координируемой стратегии.

Центральный тезис исследования Поля Буа «Крестьяне Запада»³ не ставил, по сути, под сомнение упомянутую вульгату. Автор возлагал главную ответственность за происхождение восстаний на крестьян, утверждая, что основным мотивом действий инсургентов была враждебность села по отношению к городу. Странники вульгаты поддержали его идею постольку, поскольку она в целом не сильно противоречила утверждению о манипуляциях крестьянами со стороны привилегированных, но, прежде всего, потому что она предполагала социально-экономические причины восстаний, а именно – конкуренцию между селянами и горожанами за приобретение свободных земель, каковая усилилась в связи с продажей национальных имуществ. Другие же историки, напротив, увидели в его тезисе реабилитацию крестьян, уже не выглядевших пассивным орудием в руках основных действующих лиц Революции – буржуазии и привилегированных.

Но ведь и концепция самого Жоржа Лефевра, актуализированная посмертным⁴ изданием в 1963 г. его главного сочинения и предлагавшая наряду с собственно буржуазной революцией выделять революцию крестьянскую, вполне вписывалась в доминировавшую схему объяснения крестьянских восстаний марта 1793 г. Вопросом же о возможности существования крестьянской контрреволюции, отдельной от контрреволюции дворянства и духовенства, просто не задавались. Анатолий Адо даже не поставил его в своей работе «Крестьяне и Великая французская революция»⁵ и только при выходе в свет ее французского издания⁶ отметил обилие литературы о восстаниях на Западе Франции, которое, по его мнению, подтверждало большое влияние крестьян на судьбу Французской революции.

И только в конце 80-х годов, накануне 200-летия Революции, увенчались логическим завершением те поиски, что были начаты размышлениями английского историка Эдуарда Томпсона о моральной экономике (1963), продолжены исследованиями Ива-Мари Берсе о стихийном традиционализме народных бунтов, изученных им на протяжении нескольких веков (1974), и работами других историков на тему народных представлений о нравственной порядочности как форме самоуважения, которые Ив Кастан, например, рассмотрел на материале округа Тулузы (1974)⁷. Все эти разыскания послужили основанием для

³ *Bois P. Les Paysans de l'Ouest. Le Mans, 1960. – Прим. ред.*

⁴ Третий – *Прим. ред.*

⁵ *Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция. М., 1987. – Прим. ред.*

⁶ *Ado A. Paysans en Révolution: Terre, pouvoir et jacquerie. 1789–1794. P., 1996. – Прим. ред.*

⁷ См.: *Thompson E.P. The making of the English working class. N.-Y., 1963; Croquants et nu-pieds: les soulèvements paysans en France du XVIIe au XIXe siècle / Présentés par Y.-M. Bercé. P., 1974; Casatan Y. Honnêteté et relations sociales en Languedoc, 1715–1780. P., 1974. – Прим. ред.*

гипотезы о возможности существования при Старом порядке народного политического сознания. Труды Клода Птиффрера о Вандее и Сюзанны Берже о солидарности бретонских крестьян в XIX в. и об их неприятии электоральной политики, размышления Алена Корбена о крестьянском насилии (1975 и 1990) и выступление Колина Лукаса на коллоквиуме «Народные движения и общественное сознание», организованном в 1984 г. Жаном Николя, подтвердили эту гипотезу⁸. Колин Лукас высказал даже предположение о необходимости отличать на Западе Франции народную контрреволюцию, в основном крестьянскую с ее специфическими мотивациями и действиями, от контрреволюции привилегированных, даже если обе сообща боролись против якобинской революции, так как крестьяне нуждались в военных знаниях дворян. Наши собственные работы о происхождении шуанерии (1988) подтверждали это предположение Лукаса, как и результаты прошедшего в Ренне коллоквиума «Сопротивление Революции», материалы которого были опубликованы в 1987 г.⁹

Гипотеза о существовании по-настоящему народной политики вновь заставляет обратиться к культурной составляющей конфликта между городом и деревней, к роли представлений об идентичности в стихийных проявлениях солидарности, выражавшихся в защите сельскими жителями неприсягнувших священников, а затем и юношей, не желавших нести ту военную службу, которой требовала от них Нация в военное время. Отныне историк использует своего рода этнологический подход вместо тех крайне упрощенных в понимании Жоржа Лефевра и Альбера Собуля категорий социальной истории, согласно которым отношения между людьми в обществе являются всего лишь следствием производственных отношений. Современный историк пытается выявить политические стратегии деревни, исследует противоречивые отношения внутри сетей клиентелы, роль насилия в поддержании сплоченности сообщества, влияние женской половины населения, во многом определявшее преемственность в ритуалах идентификации. Он обращается также к вопросу о роли низшего духовенства, каковая не сводится более к примитивному насаждению традиционной покорности под страхом наказания свыше, а рассматривается в том противоречивом контексте,

⁸ См.: *Petitfrère Cl.* Les Vendéens d'Anjou: 1793, analyse des structures militaires, sociales et mentales. P., 1981; *Corbin A.* Archaïsme et modernité en Limousin au XIXe siècle: 1845–1880. P., 1975; *Idem.* Le Territoire du vide: l'Occident et le désir du rivage: 1750–1840. P., 1990; *Berger S.* Les Paysans contre la politique [Texte imprimé]: l'organisation rurale en Bretagne, 1911–1974. P., 1975; *Idem.* Dualism and discontinuity in industrial societies. Cambridge, L., N.-Y., 1980; Mouvements populaires et conscience sociale: XVIe–XIXe siècles: actes du colloque de Paris, 24–26 mai 1984 / Présentés par J. Nicolas. P., 1985. – *Прим. ред.*

⁹ См.: *Dupuy R.* De la Révolution à la chouannerie: paysans en Bretagne, 1788–1794 P., 1988; Les Résistances à la Révolution: actes du colloque de Rennes, 17–21 septembre 1985 / Présentés par F. Lebrun et R. Dupuy. P., 1987. – *Прим. ред.*

который определял социальные отношения внутри крестьянского сообщества.

Остается выяснить, была ли эта «политика» деревни собственно политикой или всего лишь проявлением коллективного инстинкта самосохранения, который не нашел выражения ни в программе институциональных реформ, ни, тем более, в стремлении взять власть, чтобы эту программу реализовать. Очевидно лишь желание вернуться к традиционному порядку вещей, извращенному властями в ущерб фундаментальным интересам народа, особенно крестьян, хотя и городских «низов» тоже. Такова общая схема народных выступлений, вызывавшихся либо введением новых налогов, либо резким удорожанием хлеба в неурожайный год, либо желанием сеньора восстановить давно забытые повинности, либо намерением государственной власти призвать людей в армию и отправить на войну, тогда как раньше король сам должен был справляться с последствиями принимаемых им решений. По мнению сторонников прежней вульгаты, при Старом порядке только привилегированные и буржуазия обладали достаточным классовым сознанием для того, чтобы проводить настоящую политику. Уделом же низших слоев оставались лишь примитивные формы протеста, описанные Э.Дж. Хобсбаумом в нескольких работах. Добавим, что волнения и бунты были не единственным выражением этой народной политики. Отказ на местах в применении законодательства, латентное неповиновение, притворное невежество – таковы другие формы ее проявления, и сегодня историки занимаются изучением подобных стратегий пассивного сопротивления ничуть не меньше, чем кровавого противоборства гражданской войны.

На наш взгляд, и эти открытые бунты, и латентное сопротивление являлись формами выражения определенной политики, и после 1791 г. все сменявшие друг друга революционные Собрания должны были с ней считаться. Она же оставалась, хотя и в менее интенсивной степени, одной из составляющих политической жизни Франции на протяжении всего XIX в. и даже вплоть до наших дней, если считать ее истоком популизма – не того утрированного, что был присущ генералу Буланже, а того, что превращает существующие в обществе страхи, проявления насилия и сопротивления в различные формы анти-революции.